

Лѣтопись и мысли стараго педагога ¹⁾.

Отчеты были своевременно представлены и сданы командированному изъ Главнаго Управленія чиновнику Авилову. Въ назначенный день воспитатели собрались и поочередно, какъ на исповѣдь, входили къ Авилову, который съ важнымъ видомъ, но любезно, принималъ входившаго, усаживалъ противъ себя и начиналъ бесѣду по поводу представленнаго отчета. Главное недоразумѣніе встрѣчалъ третій вопросъ „продолжается ли подготовительная работа, въ чемъ она заключается и проч.“.

Большинство понимало, что работа эта заключается въ установленіи внѣшнихъ порядковъ, по твердомъ установленіи коихъ возможно будетъ приступить къ планомѣрному развитію всѣхъ способностей дѣтей. Другіе полагали, что подъ подготовительной работой слѣдуетъ разумѣть установленіе желательныхъ отношеній между воспитателями и воспитанниками, безъ чего дальнѣйшая работа невозможна. Авиловъ, повидимому, и самъ неясно представлялъ себѣ, что это такое.

На практикѣ впоследствии мы уразумѣли, что такого раздѣленія сдѣлать нельзя, что дѣятельность воспитателя, во всей совокупности, постоянно будетъ подготовительная, что внѣшніе порядки и взаимныя отношенія идутъ нераздѣльно съ другими задачами педагога.

Первое время дѣйствительно усиленно налегали на внѣшніе порядки, главнымъ образомъ на порядокъ и тишину въ строю. Каждое передвиженіе массы воспитанниковъ въ классы, въ столовую, въ спальню, на прогулки должно было совершаться строевымъ порядкомъ, въ точномъ значеніи этого слова,

¹⁾ См. „Русская Старина“, т. СІV 1913 г. Іюнь.

т.-е. въ ногу, безъ разговоровъ, съ поворачиваніемъ головы, куда слѣдуетъ, и съ установленнымъ размахиваніемъ рукъ. Многіе были убѣждены, что такая маршировка способствуетъ дисциплинированію дѣтей и въ свободное время.

Нѣкоторые изъ старыхъ воспитателей достигали въ этомъ по истинѣ замѣчательныхъ результатовъ.

Когда раздавался глосъ воспитателя Б. „стройся“, то всѣ воспитанники бѣжали отовсюду, какъ на пожаръ, быстро строились въ двѣ шеренги и по командѣ „смирно“ каменѣли. Воспитатель Б. никуда не сопровождалъ ихъ и, несмотря на его отсутствіе, кадеты ходили образцово. Разъ я видѣлъ, какъ его отдѣленіе возвращалось изъ бани, подъ командой старшаго ученика. Я просто диву дался. Выправка и равненіе были какъ на церемоніальномъ маршѣ.

Дурного въ этомъ конечно не было, и самимъ воспитанникамъ, повидимому, нравилось. Они съ величайшей похвалой говорили о томъ, какой порядокъ у Б. Но достиженіе такого порядка обходилось дорогой цѣной: оно требовало большого напряженія силъ со стороны воспитателя и отнимало много времени и силъ отъ другой, болѣе производительной работы. Сдержанность воспитанниковъ въ свободное время, внѣ строя, немногимъ была выше въ тѣхъ отдѣленіяхъ, гдѣ царилъ образцовый строевой порядокъ, хотя долженъ сказать, что привычка подчиняться команднымъ словамъ и къ порядку въ строю оставалась не безъ вліянія на манеру дѣтей держать себя и разговаривать съ старшими. Препятствовала ли военная выправка и требовательность въ этомъ отношеніи сближенію воспитателя съ воспитанниками? Сколько помнится—не препятствовала; и отношенія были разнообразны—хорошія и дурныя, въ силу другихъ причинъ.

Я получилъ въ завѣдываніе одно отдѣленіе второго класса, весьма пестрое по способностямъ и нравственнымъ качествамъ. Первой моей задачей, равно какъ и другихъ молодыхъ воспитателей, было искорененіе лжи, той традиціонной лжи, которая считалась добродѣтельною по отношенію къ начальствующимъ лицамъ. Это была задача не легкая, и успѣхъ былъ крайне шатокъ и переходчивъ. Откровенность со стороны дѣтей достигалась долгимъ временемъ, а мы хотѣли чуть ли не сразу сдѣлать ихъ откровенными, довѣрчивыми, и не мудрено, поэтому, дѣлали много ошибокъ. Довѣріе надо заслужить и нельзя его требовать.

Произошелъ какой-либо беспорядокъ въ классѣ, виновные неизвѣстны. Воспитатель суровымъ или мягкимъ голосомъ спрашиваетъ, кто сдѣлалъ беспорядокъ, обыкновенно отвѣтомъ служило общее молчаніе. Виновный молчитъ, а товарищи не выдаютъ. Вотъ и начинается страданіе воспитателя добиться признанія. Нерѣдко при этомъ имъ руководило оскорбленное самолюбіе: „я, молъ, такъ о нихъ забочусь, а они платятъ мнѣ за мои труды недоувѣріемъ, не признаютъ моего авторитета“. Начинаются внушенія, распеканія, требованія, угрозы. Сознаніе или искусственно вытянуто или, при безуспѣшности, наказывается все отдѣленіе, или даже весь возрастъ. Виновные торжествуютъ, а невинные считаютъ себя героями. То же самое относительно учебныхъ занятій: списать задачу, воспользоваться чужой работой, подсказать—словомъ, обмануть преподавателя какимъ бы то ни было способомъ не считалось дурнымъ, и часто мальчикъ съ хорошими задатками, изъ семьи, гдѣ ложь преслѣдовалась, очень скоро подчинялся общему школьному духу. Больше всего въ этомъ были виноваты мы сами,—воспитатели и преподаватели. Воспитанники очень скоро убѣждались, особенно на урокахъ, какъ невыгодно быть откровеннымъ и какъ легко за это получить единицу.

Молодые воспитатели принялись за это дѣло энергически безпрестанно бесѣдовали на эту тему, прибѣгали къ печатному слову, подбирали подходящіе рассказы. Значительно ослабляли наказаніе или совсѣмъ отмѣняли его, если получали прямое сознаніе въ проступкѣ. Такой пріемъ привелъ однако къ тому, что воспитанники выражали удивленіе и даже неудовольствіе, когда, несмотря на сознаніе, виновный подвергался хотя бы незначительному наказанію. Воспитанники видѣли въ своемъ сознаніи заслугу, а не обязанность честнаго человѣка, а намъ все еще казалось необходимымъ, чтобы за проступкомъ слѣдовало какое-нибудь наказаніе.

Пробовали при нѣкоторыхъ проступкахъ поручать самимъ воспитанникамъ разобрать дѣло и назначить виновному наказаніе. Это очень нравилось имъ. Они обыкновенно выбирали два—три человѣка изъ своей среды „судей“, какъ они ихъ называли. Наказаніе ими назначалось почти всегда строже, чѣмъ какое могло послѣдовать съ нашей стороны. Частыя примѣненія такихъ обращеній къ воспитанникамъ послужили однажды поводомъ, что они были недовольны и ворчали, когда воспитатель самъ налагалъ наказаніе, хотя, по ихъ мнѣнію, справедливое. Предлагали мы иногда самому виновному на-

значить себѣ наказаніе, но обыкновенно виновный отказывался отъ этого: „нѣтъ, вы уже лучше сами накажите меня, какъ знаете“.

Стараніе воспитателей разъяснить смыслъ и необходимость разныхъ требованій и порядковъ, принятыхъ въ заведеніи, переходило иногда въ крайности. Въ возрастныхъ комитетахъ по поводу разныхъ нарушеній читались цѣлые трактаты. Изъ нихъ помню трактаты: о грубомъ отношеніи къ дядькамъ, о порядкѣ на гимнастикѣ, о важности ея значенія для кадетъ, какъ будущихъ военныхъ людей, о повиновеніи столь необходимомъ въ военномъ быту, о необходимой опрятности и содержаніи рукъ въ чистотѣ и проч. Трактаты эти, написанные прекраснымъ, доступнымъ для дѣтей языкомъ, производили нѣкоторое впечатлѣніе, но привели къ тому, что каждое мелочное измѣненіе въ порядкахъ вызывало безконечные разговоры и споры воспитателей съ воспитанниками. Старые воспитатели рѣшительно возстали противъ многоглаголанія. Директоръ былъ на ихъ сторонѣ, и мы мало-по-малу умолкли.

Къ религіозной сторонѣ нашихъ питомцевъ воспитатели относились неодинаково. Одни совершенно довольствовались хорошимъ стояніемъ въ церкви и на молитвѣ, хорошими отмѣтками изъ катехизиса и знаками уваженія къ законоучителю. Другіе находили, что хотя дѣти и проникнуты большимъ уваженіемъ къ религіи, но въ религіозности ихъ мало сердечнаго элемента, они дѣйствительно смотрѣли на религію, какъ на нѣчто недостижимо-высокое, но любви, на которой она зиждется и отъ которой бываетъ такъ тепло въ этомъ возрастѣ, въ нихъ нѣтъ, или по крайней мѣрѣ чрезвычайно трудно пробудить ее. Ученіе Христа не проникало въ обиходъ ихъ жизни. Быть можетъ, общественное воспитаніе черстивило эти чувства и пыталось свойственный дѣтямъ эгоизмъ.

Возбудить въ нихъ доброе чувство къ людямъ можно было только при разговорѣ о семьяхъ ихъ. По отношенію къ постороннимъ это чувство при разговорахъ было туго. Должно однако жъ сказать, что иногда состраданіе ярко проявлялось на дѣлѣ. Они охотно отдавали свои порціи хлѣба дядькамъ, у которыхъ было много дѣтей, охотно давали изъ своихъ денегъ на помощь извѣстнымъ имъ бѣднякамъ. Помню, разъ я гулялъ съ ними и расположился за городомъ на откосѣ желѣзнодорожной насыпи. Какой-то старикъ хотѣлъ перейти полатно желѣзной дороги, но въ это время пробѣгавшій вагонъ задѣлъ его, и онъ безъ чувствъ упалъ на полатно. Дѣти заботливо подняли

его, укрыли своими шинелями и отнесли въ расположенный по близости госпиталь. Долго они, помню, толковали объ этомъ.

Быть можетъ, наши желанія въ этомъ отношеніи были неумѣренны и мы плохо понимали дѣтскую натуру, а, можетъ быть, дѣти въ этомъ отношеніи не очень отличались отъ взрослыхъ людей.

Удалось намъ однако же вызвать въ нихъ желаніе и обычай, кромѣ обязательной общей вечерней молитвы, молиться добровольно, въ одиночку, у своихъ постелей, и почти всѣ воспитанники завели образки, которые вѣшали на штыри своихъ кроватей. Вѣроятно, прежде этотъ обычай существовалъ, но въ наше время былъ забытъ и вызывалъ чуть ли не насмѣшки. Научили ли мы дѣтей молиться? Едва-ли—мы сами не умѣли.

Въ учебныхъ занятіяхъ въ младшемъ возрастѣ воспитатели принимали большое участіе на вечернихъ приготовительныхъ урокахъ, почти каждый мальчикъ провѣрялся, и ученики сами безпрестанно подходили съ просьбой спросить ихъ. Въ классахъ воспитатель присутствовалъ на большей части уроковъ, въ особенности у тѣхъ преподавателей, у которыхъ порядокъ былъ слабъ. Были воспитатели, которые сами плохо знали иностранные языки, нѣкоторые изъ нихъ стали учиться въ классѣ, наравнѣ съ учениками. Также исполняли одновременно съ ними заданный урокъ, случалось даже—обращались за помощью къ лучшимъ ученикамъ. Преподаватели имъ задавали вопросы въ классѣ. Результатъ выходилъ поразительный, въ воспитанникахъ явилось такое соревнованіе, что преподаватель не могъ нахвалиться ихъ успѣхами.

Въ 1865 году воспитанники мои перешли въ третій классъ.

Въ это время послѣдовало распоряженіе Главнаго Управленія уменьшить численный составъ военныхъ гимназій до 300 чело-вѣкъ, а потому предстояло часть воспитанниковъ изъ нашей гимназій распределить по другимъ заведеніямъ. Опасаясь, чтобы выборъ не палъ на мое отдѣленіе, такъ какъ приказано было не разбивать при переходѣ классное отдѣленіе, я обратился къ директору съ просьбой, чтобы онъ не трогалъ моего отдѣленія, къ которому я привыкъ и видѣлъ уже нѣкоторые результаты своей работы. Директоръ охотно согласился на мою просьбу. Было выбрано другое отдѣленіе, кажется, четвертаго класса. Ихъ перевели въ гимназію графа Аракчеева, гдѣ, какъ послѣ стало извѣстно, они имѣли плохую репутацію и немногіе изъ нихъ окончили курсъ.

Второй годъ мнѣ хорошо жилось съ моимъ отдѣленіемъ. Я оказывалъ имъ довѣріе, и они дорожили имъ и ни разу,— сколько мнѣ извѣстно,— не злоупотребляли имъ. Случаевъ лжи по отношенію ко мнѣ почти не было: они стали откровенно разсказывать про свои промахи и неудачи. Такой же характеръ приняли отношенія и у нѣкоторыхъ другихъ воспитателей. Насъ нѣкоторое время стѣсняла склонность нашихъ воспитанниковъ пускаться въ разсужденія и оцѣнку преподавателей и начальства. Потомъ мы допускали эти разговоры и требовали только, чтобы воспитанники прежде говорили о насъ, присутствующихъ, и незамѣтно сводили на разборъ качествъ ихъ товарищей воспитанниковъ.

Обыкновенно дѣти добродушно относились къ строгимъ воспитателямъ, но возмущались на тѣхъ, которые, по ихъ понятію, дѣлали несправедливости. Приходилось доказывать имъ, что безошибочной справедливости среди людей не существуетъ, несмотря иногда на все желаніе быть справедливымъ, что они могутъ видѣть и изъ взаимныхъ товарищескихъ отношеній.

Съ начала курса 1867/68 г. я долженъ былъ разстаться съ своимъ отдѣленіемъ. Начальство нашло нужнымъ дать мнѣ отдѣленіе 5 класса въ старшемъ возрастѣ. Приходилось вновь устанавливать отношенія къ незнакомымъ мнѣ юношамъ семнадцати и даже девятнадцатилѣтняго возраста, сидѣвшимъ, по два и по три года въ одномъ классѣ. Это было гораздо труднѣе, чѣмъ съ дѣтьми во второмъ классѣ. Борьба съ традиціонной ложью была почти невозможна. Попытки мои разъяснить что-либо цѣлому отдѣленію не приводили ни къ какому благому результату. Очевидно, юноши хорошо знали всю эту азбуку, цѣны ей не придавали, а спорили и не соглашались только изъ желанія раздражить меня.

Половые инстинкты были очень развиты и неудовлетвореніе ихъ приводило нѣкоторыхъ въ такое возбужденное состояніе, что никакіе резоны не дѣйствовали и приходилось иногда сквозь пальцы смотрѣть на ихъ похождения внѣ стѣнъ заведенія.

Массовыхъ беспорядковъ въ заведеніи тогда не было. По крайней мѣрѣ, я не помню за всѣ пять лѣтъ моей въ немъ службы, но отдѣльныя грубыя и даже дерзкія выходки случались довольно часто. Иногда онѣ носили упорный характеръ и не заключали въ себѣ обыкновеннаго дѣтскаго легкомыслія.

Отношенія мои къ воспитанникамъ моего отдѣленія да и ко всей массѣ возраста стали иныя. Того благодушнаго настрое-

нія, какое было въ младшемъ возрастѣ, гдѣ мое появленіе встрѣчалось привѣтливо и даже радостно, здѣсь быть не могло.

Мнѣ пришлось принять суровый видъ, я мало разговаривалъ, былъ кратокъ въ отдачѣ приказаній и не допускалъ ни малѣйшей фамильярности. Къ проступкамъ относился строго, самъ наказаній не налагалъ, а передавалъ ихъ на обсужденіе возрастнаго комитета.

Я пришелъ къ убѣжденію, что воспитатель больше всего воспитываетъ, когда меньше всего объ этомъ думаетъ. Самыя блестящія краснорѣчивыя слова и доказательства, а равно и суровыя высканія имѣютъ меньше значенія, чѣмъ поступки, слова, движенія и мнѣнія, высказанные не прямо по отношенію къ воспитанникамъ, но тогда, когда воспитатель думаетъ, что его воспитанники не видятъ. Словомъ, все, что обнаруживаетъ воспитатель, когда онъ не въ роли воспитателя, производитъ гораздо больше впечатлѣнія и вызываетъ подражаніе. Зная, что питомцы мои настолько уже искушены жизнью, что легко подмѣтятъ мой малѣйшій промахъ, я сталъ зорко слѣдить за собой и, такъ сказать, перевоспитывать себя.

Моя невозмутимость, спокойствіе и видимое къ нимъ равнодушіе и сдержанность начали ихъ интересовать, и они какъ будто стали искать сближенія. Были такіе субъекты, что при всякомъ вниманіи и заботѣ о нихъ становились хуже настроенными, прекращали учебныя занятія и настойчиво нарушали всякіе порядки. Мнѣ казалось лучшимъ оставить такого въ покоѣ и намѣренно, якобы, не обращать на него вниманія. Субъектъ понемногу успокаивался и у него являлось даже чувство обиды, что онъ пересталъ играть роль передъ классомъ, тогда онъ перемѣнялъ тактику, начиналъ держаться примѣрно въ продолженіе нѣкотораго времени, а потомъ неожиданно выкидывалъ что-либо невозможное. Нѣсколько разъ я попадался въ такой просакъ.

Но вотъ произошелъ инцидентъ: воспитанникъ И. сдѣлалъ крупную дерзость учителю, былъ посаженъ въ карцеръ, и комитетъ приговорилъ его къ увольненію на попеченіе родителей. И. былъ въ сущности симпатиченъ, но онъ имѣлъ невыносимый характеръ, ссорился часто съ товарищами и обладалъ несчастнымъ лицомъ, съ котораго не сходила не то простодушная, не то саркастическая улыбка. Это выраженіе лица нѣкоторыхъ приводило въ негодованіе. Его бранять, или объясняютъ ему что-либо, а онъ все неопредѣленно улыбается, какъ будто насмѣхается.

На другой день я получаю отъ него письмо, трогательное и полное раскаянія, гдѣ онъ пишетъ, что главная его вина, какъ онъ самъ чувствуетъ, заключается въ томъ, что онъ не можетъ заставить себя не улыбаться, приходитъ въ отчаяніе, что убьетъ своего отца, если его исключать, просить, чтобы я заступился за него, даетъ слово, что ничего подобнаго впередъ не будетъ, и онъ исправится, въ заключеніе умоляетъ меня придти къ нему въ карцеръ и хотя немного своимъ разговоромъ успокоить его отчаяніе. Я былъ у него въ карцерѣ, мы долго говорили, и этотъ неукротимый юноша плакалъ, какъ ребенокъ. Отъ него я прямо пошелъ къ директору, рассказавъ ему всѣ подробности, и И. былъ спасенъ. Онъ совершенно измѣнился. Обладая малыми способностями и запустивъ прежніе уроки, онъ употребилъ неимоверныя усилія, чтобы догнать классъ, и успѣлъ въ этомъ. Инцидентъ этотъ сразу измѣнилъ отношенія ко мнѣ моихъ питомцевъ, и коноводы совсѣмъ ступевались.

Во второй половинѣ курса директоръ предложилъ мнѣ взять на себя преподаваніе какого-либо учебнаго предмета, что входило въ тогдашнія соображенія начальства привлечь воспитателей къ преподаванію. Я избралъ физику и охотно, даже съ увлеченіемъ, принялся за это дѣло, вносящее нѣкоторое разнообразіе и новый интересъ въ мою воспитательную дѣятельность. Долженъ сознаться, что на первыхъ порахъ результаты были не важныя. Мнѣ пришлось преподавать въ шестомъ классѣ (выпускнымъ). Взрослые уже юноши, въ которыхъ однако же было много дѣтства, начали по обыкновенію испытывать меня и вышучивать. Не могу воздержаться, чтобы не упомянуть о нѣсколькихъ выходкахъ смѣшныхъ, но не безынтересныхъ. Разъ прихожу въ классъ, сажусь за кафедру и вызываю воспитанника М. Онъ поднимается со скамейки, въ уморительной маскѣ, изображающей обезьяну. Отъ неожиданности я оторопѣлъ. Ученики пристально смотрятъ на меня. Оправившись, я спокойно говорю: „идите къ доскѣ“, М. снимаетъ маску и направляется къ доскѣ. „Нѣтъ, говорю ему, идите въ маскѣ“, и настоялъ, чтобы онъ вышелъ въ ней. Когда онъ сталъ у доски, то видъ его былъ до такой степени смѣшонъ, что и я, и весь классъ покатались со смѣху, который продолжался, пока я не позволилъ снять маску.

Въ другой разъ я въ физическомъ кабинетѣ объяснялъ урокъ, чертя на доскѣ рисунки приборовъ. Раздается звукъ игрушечной духовой гармоникѣ и разъ, и два, и три. Не обо-

рачиваясь къ классу и продолжая чертить, я говорю: „прошу положить гармонику ко мнѣ на столъ, я не буду видѣть, кто положилъ“. Прошло нѣсколько секундъ, я обернулся, гармоника лежала на столѣ и оставалась тамъ во все время урока. По окончаніи его, я взялъ гармонику, поигралъ на ней и предложилъ владѣльцу получить ее обратно. Вышелъ юноша чуть не съ бородой съ простодушнымъ, глуповатымъ лицомъ и просилъ меня убѣдительно оставить гармонику у себя.

Черезъ нѣсколько дней вхожу въ классъ. На доскѣ нарисована моя фізіономія въ карикатурномъ видѣ. Я хладнокровно подхожу къ доскѣ и начинаю поправлять рисунокъ, подозвалъ одного ученика, хорошаго рисовальщика, чтобы помогъ мнѣ, за нимъ подошли другіе и сообща начали поправлять. Явился и самъ авторъ, котораго я попросилъ нарисовать мнѣ на память мой портретъ, но только не карикатурный. Черезъ нѣсколько дней онъ доставилъ мнѣ очень недурной рисунокъ, который я долго берегъ.

Къ концу года стали серьезнѣе заниматься, и экзаменъ прошелъ совсѣмъ удовлетворительно.

Въ началѣ 1868/69 г. я получилъ опять новое отдѣленіе, пятого класса—тоже сборное, въ которое вошли частью и мои бывшіе воспитанники второго класса.

Отдѣленіе это произвело на меня вначалѣ хорошее впечатлѣніе и всѣ данныя были, что оно пойдетъ хорошо. Маленькій составъ (18 человѣкъ), довольно ровный, хотя и не высокій по развитію и способностямъ. Часть изъ нихъ была мнѣ раньше знакома. Все это породило во мнѣ самыя радужныя надежды, но результатъ вышелъ самый неожиданный и самый неудовлетворительный. Сначала дѣло пошло какъ будто недурно: всѣ усиленно принялись за работу, къ порядкамъ заведенія относились внимательно, грубыхъ выходокъ и крупныхъ шалостей не было. Безирравственныхъ проступковъ не замѣчалось, мальчики были вѣжливые, опрятные, исполнительные. Вообще отдѣленіе не имѣло крупныхъ недостатковъ, но и не отличалось добродѣтелями. Оно вышло, если можно такъ выразиться—безцвѣтное, съ качествами тепличнаго свойства.

Извѣстно, что совокупность мелкихъ, повидимому, ничтожныхъ обстоятельствъ счастливо сгруппировавшихся въ извѣстномъ направленіи, приводитъ къ значительнымъ результатамъ, и я сталъ искать этихъ ничтожныхъ обстоятельствъ, выпадавшихъ на мое отдѣленіе. Пристально всматриваясь въ ежедневный обиходъ его жизни, я увидѣлъ, что пассивность и отсут-

ствіе всякой энергіи выражались главнымъ образомъ въ учебныхъ занятіяхъ, и хотя неудовлетворительныхъ отмѣтокъ въ классномъ журналѣ было немного, но тѣмъ не менѣе у значительнаго большинства воспитанниковъ не было ни малѣйшаго интереса къ дѣлу, ни тѣни любознательности. Ученіе, видимо, было для нихъ тяжелымъ и непріятнымъ трудомъ. Казалось, что всѣ свои способности они изощряли на то, чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ труда, выѣхать на авось. Переписать работу у товарища, отвѣчать на подсказахъ, считалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и непредосудительнымъ. Нерѣдко приходилось замѣчать въ классѣ совсѣмъ заснувшаго ученика. Не говоря объ учебныхъ занятіяхъ, всякая сколько-нибудь серьезная книга возбуждала въ нихъ отвращеніе. Не разъ воспитатели предлагали имъ прочесть что-либо изъ путешествія или исторіи, и каждый разъ предложенія встрѣчались недружелюбно. Когда приходилось толковать объ этомъ съ воспитанниками и выражать свое крайнее удивленіе по поводу ихъ нелюбознательности, то отвѣты были приблизительно одинаковы, что мы напрасно упрекаемъ ихъ въ этомъ, что во всѣхъ классахъ существуетъ то же самое и нигдѣ нѣтъ такой любознательности, какую мы желаемъ въ нихъ видѣть. Они какъ будто не допускали возможности интересоваться наукой или любить трудъ больше, чѣмъ они. На замѣчаніе, что плохо готовятъ уроки, отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же—недостатокъ времени и несоразмѣрность съ нимъ задаваемыхъ уроковъ. Когда имъ указывали, что въ классической гимназій, какъ и имъ извѣстно, есть не мало учениковъ, которые не только успѣваютъ приготовить свои уроки, но и давать ихъ другимъ и такимъ образомъ зарабатывать деньги, чтобы поддерживать себя, а иногда и родителей, то они относились скептически и указывали, что тамъ нѣтъ другихъ внѣклассныхъ занятій и что не живущіе въ интернатѣ могутъ ложиться спать, когда сами того захотятъ.

Непониманіе дѣйствительной нужды жизни было, разумѣется, неизбѣжнымъ недостаткомъ закрытаго заведенія. Практическое и наглядное доказательство пользы ученія, въ видахъ матеріальныхъ выгодъ, не имѣло для нихъ той силы, какую имѣютъ ученики открытыхъ заведеній. Поучительные же разговоры или исторія изъ книжекъ на эту тему, конечно, не имѣли и десятой доли того значенія, какъ опытъ личный или товарища. Между тѣмъ воспитанники, сколько я могъ замѣтить, инстинктивно ищутъ именно такого рода доказательствъ въ пользу ученія.

Одна изъ обыкновенныхъ темъ разговора, на которую охотно идутъ воспитанники, это—польза отъ занятія того или другого предмета. Изъ этихъ разговоровъ всякому легко было убѣдиться, что мѣриломъ для цѣнности и важности учебныхъ предметовъ ученики ставятъ практическую пользу, какую можно извлечь изъ нихъ въ дѣйствительной жизни. Не разъ приходилось слышать вопросъ: „что важнѣе—математика или нѣмецкій языкъ?“ „Зачѣмъ насъ учатъ рисованію, танцамъ, пѣнію, къ чему знать то-то и то-то“. Попреки такой утилитарности были, конечно, продуктами вѣка (Спенсеръ), но для учащейся молодежи были желательны и рекомендовались нами другіе стимулы: любовь къ труду ради труда, любовь къ знанію ради знанія, удовольствіе и доброе расположеніе духа отъ хорошаго и добросовѣстнаго исполненія дѣла, пріятное сознаніе собственной силы отъ преодоленія трудностей. Но къ несчастію многіе ли изъ насъ, взрослыхъ, такъ относятся къ труду? Для получения хорошихъ результатовъ въ этомъ смыслѣ нужно очень многое. Главное нужно собственно принести ¹⁾ терпѣніе и медленность хода. Между тѣмъ всѣ наши мѣры носили характеръ и спѣшности, и желанія быстрыхъ результатовъ. Очень винить насъ, воспитателей, въ этомъ, я думаю, нельзя было. Получая мальчиковъ часто на годъ, на два, каждый воспитатель, сколько я могъ замѣтить, ограничивался заботами о томъ, чтобы было поменьше шалостей, записей, дурныхъ отмѣтокъ и запросовъ контролирующей власти. Многіе думали, что чѣмъ скорѣе одисциплинируется отдѣленіе, тѣмъ спокойнѣе для всѣхъ, но при этомъ не принимали часто въ расчетъ, какую цѣною куплена дисциплина и что кратчайшій путь не всегда самый лучший. Не обладая терпѣніемъ, мы не могли похвалиться вообще практическимъ умѣньемъ вести дѣло, опираясь исключительно на любовь, или привычку къ труду. Мы не довѣряли себѣ и боялись остаться безпомощными, отказались отъ существовавшихъ способовъ развитія трудоспособности, воли и вообще душевныхъ качествъ и явиться какъ бы несостоятельными какъ въ собственныхъ, такъ и въ чужихъ глазахъ.

Такимъ образомъ, vlastныя велѣнія практической жизни приводили насъ къ нераціональнымъ, но освященнымъ давностью пріемамъ, дающимъ хотя какіе-либо результаты.

Таковы были мои размышленія по поводу своей неудачи. Но кромѣ общихъ неблагоприятныхъ условій, были и частныя,

¹⁾ Никто не можетъ дать того, чего самъ не имѣетъ.

касавшіяся моего отдѣленія. Въ немъ находились два воспитанника Б. и Т., которые съ самаго начала курса уже поставили себѣ задачами выйти въ юнкера. Будучи очень уже взрослыми, они тяготились режимомъ закрытаго заведенія, рѣшительно не желая оставаться въ немъ и, помимо желанія своихъ родителей, хотѣли скорѣе достигнуть этого. Бросивъ совершенно заниматься уроками, они имѣли много свободнаго времени и своими шалостями, смѣхомъ, разказами о прелестяхъ свободной юнкерской жизни, мѣшали другимъ и оказывали крайне дурное вліяніе если не на все отдѣленіе, то на болѣе лѣнливыхъ, мало развитыхъ и слабохарактерныхъ. Весьма скоро этому вліянію подчинились еще трое, С., А. и Е. и примирились съ мыслью быть выпущенными въ юнкера.

Вмѣстѣ съ такими мыслями обыкновенно являлось убѣжденіе, что нѣтъ надобности заниматься всѣми предметами, что, напримѣръ, иностранные языки совсѣмъ уже бесполезны, а по другимъ предметамъ объемъ ихъ знанія достаточенъ для юнкерства. Нужно сказать, что улучшившійся въ то время быть юнкеровъ и учрежденіе окружныхъ юнкерскихъ училищъ не устрашало ихъ со стороны физическаго труда и лишеній. Разказы юнкеровъ изъ бывшихъ товарищей располагали ихъ воображеніе къ жизни свободной, съ легкимъ доступомъ къ чувственнымъ наслажденіямъ. Иногда намъ удавалось въ разговорахъ представить имъ темную сторону манившей ихъ жизни и заставить задуматься, но впечатлѣніе оставалось недолго, и порывы ихъ заняться дѣломъ исчезали при первомъ же столкновеніи съ трудомъ.

Они требовали почти безотлучнаго моего пребыванія въ отдѣленіи; при мнѣ они сдерживались, но потомъ вознаграждали себя за нѣсколько часовъ вынужденной сдержанности. Они же занесли въ отдѣленіе и сѣмена безнравственности.

Всѣ мои убѣжденія и доказательства предъ директоромъ, что для спасенія остальныхъ надо скорѣе удовлетворить ихъ желанія и выпустить въ юнкера, оставались безплодными, и только послѣ Рождества мнѣ удалось убѣдить родныхъ этихъ юношей взять ихъ изъ заведенія и тѣмъ устранить ихъ зловредное вліяніе на товарищей.

Хотя составъ отдѣленія былъ довольно ровень по способностямъ, но надо прибавить, что онъ былъ не высокъ. Лучшіе ученики, не исключая и перваго М., имѣли нерѣдко неудовлетворительныя отмѣтки. Хорошаго отвѣта и основательныхъ знаній ученики не слышали въ классѣ и не имѣли, такъ сказать,

образца, къ которому могли бы стремиться. Слабые отвѣты первыхъ учениковъ поселяли въ остальныхъ какое-то спокойствіе относительно себя. „Если первые ученики знаютъ плохо,—говорили они,—то что же удивительнаго, что мы не знаемъ и не понимаемъ того же?“ Подъ конецъ явилось у нихъ убѣжденіе, что въ ихъ отдѣленіи собраны всѣ малоспособные и гдѣ ужъ тутъ гнаться за такими знаніями, какъ въ параллельномъ отдѣленіи.

Вслѣдствіе дѣйствительно существовавшей несоразмѣрности времени съ количествомъ задаваемыхъ уроковъ, неизбежно явилась недобросовѣстность въ занятіяхъ. И на замѣчанія, что бесполезно и не честно пользоваться чужимъ трудомъ, выдавая его за свой, обыкновенно получали отвѣты: „вы видѣли, что я работалъ полтора часа надъ такимъ-то предметомъ, мнѣ осталось еще два или три. Я не успѣю справиться и получу дурной баллъ, за который вы же сдѣлаете мнѣ выговоръ или накажете“.

Вслѣдъ за вынужденной недобросовѣстностью является уже соблазнъ сдѣлать то же самое и тогда, когда не было въ этомъ надобности, тѣмъ болѣе, что недобросовѣстность часто проходила незамѣченной, а собственный несовсѣмъ удачный трудъ подвергался слишкомъ строгой оцѣнкѣ. Это дѣйствовало разслабляющимъ образомъ и поселяло недоброжелательность къ труду. Надо прибавить, что ученикъ получалъ иногда дурной баллъ не за то, что не зналъ заданнаго урока, а за забвеніе давно прошедшаго (такъ требовала теорія). Полученіе хорошей отмѣтки стали приписывать случайности и счастью, и зарождалось какое-то нехорошее развращающее чувство и уже, конечно, не являлись безкорыстная любовь къ труду и жажда знаній.

Устранить или парализовать вліяніе этихъ неблагоприятныхъ условій, неизбежныхъ при воспитаніи массы и при существованіи балльной системы, очень трудно и даже совсѣмъ невозможно.

Я предложилъ, между прочимъ, одному преподавателю нѣмецкаго языка, особенно щедрому на дурныя отмѣтки, не задавать число строкъ для перевода, а позволить ученикамъ представить ему сколько кто успѣетъ сдѣлать, но подѣ условіемъ—работать самому, въ продолженіе опредѣленнаго времени. Ученики должны были одновременно приняты за переводъ подѣ наблюденіемъ воспитателя и кончить его также одновременно. Результатъ былъ, по моему мнѣнію, весьма недуренъ, но пре-

подаватель не выдержалъ его до конца, опасаясь не выпознать программу.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ неуспѣшности учебныхъ занятій въ моемъ отдѣленіи я долженъ присоединить еще, что, обманутый первымъ впечатлѣніемъ на меня моего новаго отдѣленія, я недостаточно принималъ участія въ ихъ учебныхъ занятіяхъ, исходя изъ той мысли, что усиленная помощь въ учебныхъ и другихъ обыденныхъ дѣлахъ для юношей этого возраста не должна быть въ такомъ размѣрѣ, какъ въ маленькихъ классахъ и можетъ повредить въ развитіи ихъ самостоятельности въ трудѣ и породить нежелательную привычку рассчитывать на чужую помощь. Думаю, что я вдался въ крайность.

Въ 1869 году воспитанники съ грѣхомъ пополамъ перешли въ 6 классъ, гдѣ и слились съ другимъ отдѣленіемъ этого класса. Я остался съ ними. Въ это время въ старшемъ возрастѣ сгруппировались воспитатели новой формаціи, изъ старыхъ были одинъ или два; послѣдніе все еще будировали, но новое теченіе было уже настолько сильно, что они не могли плыть противъ него.

Всѣ мы признали, что первой нашей заботой долженъ быть подъемъ любознательности въ юношахъ. Они мало читали и общее чтеніе совсѣмъ не удавалось, и мы попробовали привлечь вниманіе нашихъ питомцевъ живою рѣчью, устными сообщеніями и рассказами. Каждый избралъ какую-либо спеціальность, съ которою былъ болѣе знакомъ. На мою долю, помню, пришлось рассказывать: „о добываніи и значеніи драгоцѣнныхъ металловъ, о месмеризмѣ, послѣдовательномъ ходѣ научныхъ открытій въ природѣ, начиная съ древнѣйшихъ временъ“. Рассказывалъ имъ о своихъ впечатлѣніяхъ при путешествіи на Уралъ и за границу. Въ праздники производились физическіе опыты учениками старшаго класса: дѣлали опредѣленіе удѣльнаго вѣса тѣлъ, измѣреніе объемовъ, разложеніе воды, добывали нѣкоторые газы, производили опыты на электрическихъ, гальваническихъ приборахъ и на Атвудовой машинѣ.

Во время продолжительныхъ праздниковъ занимались фотографіей и гальванопластикой.

Другіе воспитатели взяли на себя историческіе и этнографическіе рассказы, чему способствовала бывшая тогда этнографическая выставка въ Москвѣ. Предприняты были нѣкоторыя экскурсіи на заводы съ предварительнымъ, очень интереснымъ разговоромъ одного преподавателя, какую службу несутъ для человѣчества разныя силы природы. Въ это же время посту-

пилъ въ заведеніе въ качествѣ учителя пѣнія Пасхаловъ, большой пьяница, но безспорно талантливый авторъ многихъ романсовъ. Онъ возбуждалъ большой интересъ къ своему искусству и устраивалъ въ свободное время хоръ. Когда мы увидѣли, что въ воспитанникахъ получался уже нѣкоторый интересъ къ знанію, мы подняли серьезный вопросъ объ организаціи чтенія.

Вопросу этому посвящено было нѣсколько педагогическихъ засѣданій, и выработаны были программы какъ для одиночнаго чтенія, такъ и для общаго. Каждый воспитатель имѣлъ литографированный списокъ книгъ и статей для прочтенія въ извѣстный періодъ, составленный по соглашенію съ преподавателями, которые обѣщали принять участіе въ чтеніи и въ провѣркѣ прочитаннаго. Было бы долго рассказывать всѣ фазисы этого дѣла, могу только сказать, что нѣкоторые воспитанники такъ пристрастились къ чтенію, что предавались ему въ ущербъ класснымъ занятіямъ и даже своему физическому развитію, уклоняясь отъ внѣклассныхъ занятій.

Тѣлесныя упражненія не были въ то время въ большомъ почетѣ. Гимнастика, съ ея строгимъ строевымъ порядкомъ, возбуждала враждебныя чувства у воспитанниковъ, она утомляла не менѣе, чѣмъ классные уроки, и проступки противъ порядка и препирательства случались чаще всего во время гимнастическихъ занятій. Свободнымъ играмъ предавались охотно въ среднемъ и младшемъ возрастѣ. Въ старшемъ возрастѣ воспитанники въ свободное время, большею частью, вяло и солидно ходили по аллеямъ. Танцевальныя уроки были довольно оживленные, благодаря свойствамъ учителя и танцевальнымъ вечерамъ, которые устраивались иногда на праздникахъ. Строевыя занятія производились въ каждомъ возрастѣ по расписанію, но, несмотря на строгія требованія тишины и выправки, заключали въ себѣ мало военнаго. Помню, какъ пріѣхалъ однажды военный министръ Д. А. Милютинъ. Онъ обходилъ классы, во многихъ задавалъ вопросы. Въ моемъ отдѣленіи не было преподавателя, и я замѣнялъ его; „чѣмъ же вы съ ними занимаетесь?“ спросилъ Д. А. и сѣлъ на скамейку и долго слушалъ, какъ заполняютъ свободные уроки воспитатели. Потомъ онъ вышелъ въ рекреационный залъ, гдѣ производилось ученье съ ружьями.

Воспитанники при входѣ военнаго министра взяли по командѣ на караулъ, и когда Д. А. съ ними поздоровался, то отвѣтили: „здравія желаемъ“ и въ то же время любезно поклонились ему по правиламъ танцевальнаго учителя.

Д. А. едва сдерживалъ улыбку и былъ нѣсколько смущенъ; равно какъ и дежурный воспитатель.

Надо замѣтить, что гражданскихъ воспитателей въ старшемъ возрастѣ не было, да и въ другихъ возрастахъ они почти перевелись. Окончившіе курсъ въ духовной академіи почти всѣ перешли на преподавательскія мѣста.

Въ то время, какъ мы вели мелочную и кропотливую работу, не всегда благодарную по своимъ результатамъ, въ С.-Петербургѣ, при Главномъ Управленіи в.-у. в. шла дѣятельная работа по установленію общихъ принциповъ воспитанія и обученія. Отчеты воспитателей, журналы педагогическихъ комитетовъ, доставляемые въ Главное Управленіе, давали обильный матеріалъ для установленія разныхъ общихъ порядковъ. Они часто печатались въ „Педагогическомъ Сборникѣ“, тогда основанномъ, и читались съ интересомъ.

Циркуляры Главнаго Управленія по педагогическимъ вопросамъ касались самыхъ мелочныхъ вопросовъ режима и разнообразныхъ случаевъ практической жизни заведенія; такимъ образомъ они имѣли реальную основу и хотя временами были теоретичны и не всегда примѣнимы, но давали общій тонъ и направленіе, что при новизнѣ дѣла было не бесполезно.

Н. А. Якубовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

